

Умиротворение и перевооружение в атлантическом кризисе

(начало на 1-й стр.)

Первое направление связано с намерением Соединённых Штатов сократить своё военное присутствие в Европе – в формах и масштабах, которые ещё предстоит определить. По данным *Politico*, в Берлине царит неопределённость по поводу “Global Force Posture Review”, который будет опубликован в сентябре; министр обороны Борис Писториус просил держать Германию в курсе, но уже два года считает само собой разумеющимся, что в какой-то момент *«американцы будут делать меньше»*. Вопрос о гарантиях безопасности Украины, как мы отмечаем, станет практической основой для пересмотра взаимных обязательств, а также может стать противовесом американскому сокращению участия, по крайней мере, на общеполитическом и стратегическом уровне.

Вторым направлением являются закрытые переговоры по вопросу о *европейском ядерном сдерживании*. Это подтверждается как по существу – сетью двусторонних соглашений между Парижем, Лондоном и Берлином, – так и по форме обсуждения, которое намеренно не выносят на публику. Официально подтверждено решение о координации между французскими *force de frappe* и британскими силами сдерживания с созданием общей *«контрольной группы»* под председательством двух правительств. Закрытыми остаются переговоры об участии Германии – будь то по вопросу финансирования или в ракетной (но не ядерной) части *«европейского сдерживающего фактора»*. На повестке дня, но в равной степени конфиденциальном формате, остаётся возможное преобразование *контрольной группы* в Европейский совет безопасности.

Третье направление – это встречные гарантии в связи с немецким перевооружением. Его масштабы таковы, что неизбежно требуют политической балансировки в Европе, а также вызывают реакцию в Москве и других странах. Трёхлетний бюджетный план Берлина предусматривает увеличение военных расходов с 80 до 150 млрд евро за три года с заявленной целью вернуть Германии статус крупнейшей конвенциональной силы в Европе. Согласно данным SIPRI по итогам 2024 года, глобальные военные расходы в прошлом году выросли до 2,718 трлн долларов, на 9,4 % в реальном выражении, что является самым высоким показателем с момента окончания *холодной войны*. Расходы США выросли на 5,7 %, составив 997 млрд (37 % от мировых). На европейские страны НАТО пришлось 454 млрд долларов, что составляет 16,7 % мировых расходов и около 2 % европейского ВВП. При достижении цели в 3,5 % ВВП расходы составят около 800 млрд долларов. Расходы России выросли до 149 миллиардов, что на 38 % больше, чем в 2023 году, и в два раза больше, чем в 2015 году, что составляет 7,1 % ВВП и является тяжёлым бременем для ослабленной экономики. Китай увеличил расходы на 7 %, до 314 миллиардов долларов, Япония – на 21 %, до 55,3 миллиарда.

Таким образом, по данным SIPRI, НАТО-Европа тратит в три раза больше, чем Россия, которая находится в состоянии войны, а в 2029 году одна лишь Германия превзойдёт её по объёму военных расходов. Кроме того, после реализации планов Атлантического альянса по увеличению военных расходов до 3,5 % ВВП Берлин обеспечивать подавляющую долю европейских ассигнований. Необходимость политической и институциональной гарантии в Европе очевидна. Драги упоминает об этом в своём выступлении на встрече католического движения “Общение и освобождение” в Римини, отметив, что ЕС, склонный лишь реагировать, был вынужден перейти к перевооружению *«в формах и способах, которые, вероятно, не отражают интересы Европы»*.

Кайзер даёт следующий ответ: Германия теперь воспринимается как *«великая европейская держава»* и вместе с Францией является ключевым фактором ЕС. Она станет *«крупнейшей конвенциональной военной державой Западной Европы»*, в то время как уже является *«крупнейшей экономической державой»*; это *«обязывает Германию играть ключевую роль в организации конвенционального сдерживания России»*. Перед лицом опасности, что пробуждение *«немецкого гиганта»* вновь разожжёт старые страхи, *«одной из главных задач немецкого правительства в ближайшие годы будет предотвратить это [...] путём поиска связей с европейскими союзниками и укоренения своих действий внутри Европейского союза»*. Возрождение, пусть и в изменённой форме, *динамического треугольника* между Парижем, Лондоном и Берлином требует некоторых дополнительных размышлений. В 1980-х годах

Черветто даже назвал проекты *европейской обороны* «беспочвенными», если они не включали Великобританию. С другой стороны, Лондон был склонен затормаживать европейские инициативы в атлантическом смысле. Мы видели, что эти рассуждения оставались заключёнными в стратегических рамках Ялты. Оценка соотношения сил в рамках *действительного раздела* между США и СССР подводила к выводу, что *рейнская ось* в одиночку не смогла бы преодолеть ялтинского раздела, когда у Москвы, помимо прочего, имелись «*сапоги на земле*» в Берлине.

Распад СССР имел последствия, сравнимые с *третьей мировой войной*. Германия вышла из него объединённой, и под этим импульсом в 1992 году родился Европейский Союз – слияние различных союзных и межправительственных институтов, сопровождавших развитие Общеввропейского рынка с 1957 года, – а в 1998 году была создана еврозона. Возникает вопрос: действительно ли то представление о соотношении сил в Европе, которое было актуально в 1980-х годах и требовало участия Франции, Германии и Великобритании в *европейской обороне*, сохранило свою актуальность в условиях *нового раздела*, который вернул Восточную Европу и отбросил политико-государственное разделение в российскую зону? Кроме того, Лондон сохранял свою внутреннюю двойственность по отношению к ЕС даже при более проевропейской линии Тони Блэра. Фактически, в решающий момент – как *нож в масло*, который с войной в Ираке 2003 года разделил *Старую и Новую Европу* – Великобритания поддержала разделительную политику США.

Один из уроков событий 2003 года заключался в том, что военная централизация ЕС была невозможна против воли Соединённых Штатов. И хотя последующие двадцать лет подтвердили справедливость сомнений относительно той «*войны по выбору*», а США так и не смогли выдержать её последствий на уровне внутреннего консенсуса, факт остаётся фактом: *европейская оборона* была фактически заморожена на двадцать лет. Это лишь подтвердило, что реальной опорой остаётся *европейский столп НАТО*. В конце концов, *действительный раздел* означал не только присутствие СССР в Германии и в Восточной Европе, входивших в Варшавский договор, но и основывался на сближении Вашингтона и Москвы в поддержании этого раздела. Недостаточно было того, что СССР рухнул: американская оппозиция европейской автономии всё равно сохранялась.

Уже в «Тетрадах 1981–1982», подводя итог своему стратегическому анализу, Арриго Черветто, возвращаясь к своему тезису 1962 года о «*экономических блоках империализма*», отмечал, что интеграция между США и ЕЭС оказалась куда глубже, чем он предполагал в начале 1960-х. На этой основе мы в последующие три десятилетия развивали марксистскую концепцию *европейского империализма*, исходя из того, что его стратегической основой станет *трансформация трансатлантических отношений*, а не их разрыв.

Процесс, который привёл к созданию единой валюты, может служить ориентиром и для *европейской обороны*. Он закрепил стратегическую самостоятельность Европы в финансово-валютной сфере, став Рубиконом передачи суверенитета *федерации евро*. Однако ключом к успеху послужило и то, эта стратегическая независимость была достигнута без разрыва атлантических связей. Таким образом, это был двойной процесс: рождение *федерации евро* и трансформация/сохранение отношений с Соединёнными Штатами. Вспомним, с какой решимостью Гельмут Шмидт и Валери Жискар д'Эстен начали движение к валютному союзу, уделяя при этом максимальное внимание сохранению Атлантического альянса. Саммит в Рамбуйе 1975 года, с которого началась практика встреч G7, стал признанием того, что США, несмотря на односторонний «шок Никсона» 1971 года, уже не могли управлять глобальной системой в одиночку: Шмидт и Жискар, чемпионы европеизма, одновременно выступили «архитекторами» этой новой *директории*.

Конечно, к этой стратегической картине, уже преобразованной *переломом* 1989–1991 годов, сегодня добавляется *кризис порядка*, в котором речь идёт уже не только о завоевании Европой и Японией своего места, но и о появлении Китая как равного конкурента США. Если это и является причиной *атлантического упадка* и колебаний США, олицетворяемых Трампом, то *трансатлантическая взаимность* – поиск равноправных отношений между Европой и США, о котором размышлял Вольфганг Шойбле – приобретает новую основу. *Американский Sonderweg*, изолированный и односторонний путь США, представляет угрозу для Европы, но также противоречит общему стратегическому интересу в поддержании баланса в отношении Китая. Европейский интерес в *сдерживании* колебаний США касается

как атлантических отношений в узком смысле, с которыми связано уравнивание России, так и глобальных отношений и *китайского вопроса*, где в том числе и ЕС ощущает давление Поднебесной. В то же время, дозировка отношений с Пекином, а также с Токио, Джакартой, Дели и связкой Бразилиа и Буэнос-Айреса в МЕРКОСУР являются частью сдерживания колебаний США, и, безусловно, это обсуждается в Европе, Японии, Индии, Индонезии, Бразилии, а также и в Китае.

Отсюда вытекает и четвёртое направление анализа: замешательство в Азии, вызванное односторонними действиями США. Удары, нанесённые в *войне тарифов*, приводят к неопределённости в политических отношениях и отношениях в сфере безопасности. Среди комментаторов, размышляющих о позиции правительства Исибы, обсуждается тема «*неделимой безопасности*»: если Трамп демонстрирует способность в одностороннем порядке договориться об умиротворении с Москвой, то он может поступить так же и с Пекином.

Хироюки Акита, один из ведущих комментаторов авторитетной газеты *Nikkei*, приходит к тем же выводам, что и Кайзер, но применительно уже к сети отношений Токио: чтобы предотвратить опасные повороты в американской внешней политике, основные союзники США должны «*тесно координировать свои действия*», «*делиться подробными оценками*» и даже «*распределять задачи*» в отношениях с Вашингтоном. Для союзников Америки «*управление отношениями с США*» становится столь же важным, как определение собственных стратегий в отношении Москвы и Пекина.

В Азии сегодня наиболее ослабленными выглядят связи между Вашингтоном и Нью-Дели: контекст Quad размывается, что, скорее, идёт на пользу двусторонним отношениям между Индией и Японией, а в расчётах *индийской многовекторности* Пекин вновь приобретает большее значение.

Пятое направление касается главы, которая только начала открываться, а именно реакции на перевооружение Германии и Европы – как в России, так и в целом среди прочих держав, начиная с Китая. Это станет особенно заметно, если в уравнение европейской и глобальной безопасности войдёт фактор *европейского ядерного сдерживания*. В прошлом *евроракеты* и *азиатские ракеты* были в центре важнейших политических баталий; сегодня к этому добавляется ядерное перевооружение Китая, стремящегося к паритету с США и Россией, а также кризис договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Шестое направление носит прежде всего методологический характер. Каждый аспект *кризиса порядка* – *война пошлин*, перевооружение, региональные войны и конфликты, изменение баланса сил и *политический цикл* в ключевых державах – должны рассматриваться в контексте сети взаимосвязей и взаимозависимостей. Среди европейской бюрократической верхушки, как сообщает *Financial Times*, часть тех, кто видел в тарифных переговорах лишь «*классический торговый спор*», настаивали на жёстких ответных мерах. Но фон дер Ляйен, оценивая «*общую картину*» кризиса, предпочла «*осторожность*» и «*неприятие риска*», в то время как Генеральный директорат по торговле просил государства проявить «*стратегическое терпение*». И здесь прослеживается связь между *умиротворением* тарифном вопросе и сроками европейского перевооружения.

Июль – август 2025 г.